

<https://doi.org/10.21638/2226-5260-2022-11-2-544-557>

«ВОДЯНОЕ КОЛЕСО» ВИНЫ: ТАВТОЛОГИЯ СОВЕСТИ В ЗАМЕТКАХ ВИТГЕНШТЕЙНА*

ГЕОРГИЙ ЧЕРНАВИН

PhD, профессор.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».
105066 Москва, Россия.

E-mail: gchernavin@hse.ru

В статье имплицитная концепция совести из заметок Людвиг Витгенштейна 1929 года сопоставляется с теориями совести как парадоксального тождества вины и невинности Филипа Конрада Мархейнеке (по образцу которого сложится понятие «отчаяние» Сёрена Кьеркегора) и совести как (грамматического и временного) удвоения Владимира Янкелевича. Взгляды Витгенштейна, касающиеся совести и чувства вины, примыкают к модели Мархейнеке — Кьеркегора (вина кроется в невинности и наоборот) и модели Янкелевича (проступок, совершенный в прошлом, заставляет сожалеть о невинности, предшествовавшей ему в еще более глубоком прошлом). В тавтологических моделях совести (тождества вины и невинности и удвоения прошлой вины предпрошедшей невинностью) вина состоит уже в одном отсутствии чувства вины. Тавтологические модели совести раскрываются на примере предложенной Витгенштейном метафоры «водяного колеса»: инженерной неудачи, вновь и вновь вызывающей чувство вины. Австрийский философ описывает свою «неспособность мыслить» как источник постоянно всплывающего стыда, свободно плавающего чувства вины. «Беспольность» и «бездарность» или, другими словами, «необоснованность собственного существования», равно как и «неспособность мыслить» — это то, что себе вменяет мыслитель. Это мучительное состояние он одновременно видит источником своей философской продуктивности. Возможна ли совесть, которая бы строилась не по принципу тавтологии, не по принципу бесконечной «румации» (пережевывания мелочной вины)? В статье предлагается гипотеза о том, как можно было бы разомкнуть тавтологию совести, «водяное колесо» вины, работающее на холостом ходу.

Ключевые слова: вина, Витгенштейн, Кьеркегор, Мархейнеке, совесть, тавтология, Янкелевич.

* Статья подготовлена в ходе исследовательского проекта РФФИ № 18-011-00582 «Метод позднего Витгенштейна: сведение (девальвация) традиционных проблем метафизики к философской головоломке».

THE “WATERWHEEL” OF GUILT: THE TAUTOLOGY OF CONSCIENCE IN WITTGENSTEIN’S NOTES*

GEORGY CHERNAVIN

PhD, Professor.
HSE University.
105066 Moscow, Russia.
E-mail: gchernavin@hse.ru

The implicit conception of conscience from Ludwig Wittgenstein’s notes from 1929 is brought into comparison with the theory of conscience as a paradoxical identity of guilt and innocence by Philip Konrad Marheineke (which served as a pattern for Kierkegaardian concept of “despair”) and of conscience as a (grammatical and temporal) redoubling by Vladimir Jankélévitch. Wittgensteinian views on conscience and feeling of guilt tend to Marheineke-Kierkegaard’s model (the guilt hides in innocence and vice versa) and to Jankélévitch’s model (the wrongdoing from the past makes us regret the innocence which preceded it in a far remote past). I explore these tautological models of conscience using the example of Wittgensteinian metaphor of “waterwheel”: of an engineering failure producing a constant sentiment of guilt. Austrian philosopher describes his “incapacity to think” as a source of background, freely floating guilt. “Uselessness” and “mediocrity” or as he puts it “groundlessness of your own existence” altogether with “incapacity to think” — those are the self-accusations of the thinker. This torturing state he at the same time considers to be the source of his own philosophical productivity. Would a conscience be possible which would be free of this tautological structure and of this endless “rumination” of the petty guilt? The article proposes a hypothesis how one could break the tautological circle of an idling scrupulous conscience.

Keywords: guilt, Wittgenstein, Kierkegaard, Marheineke, conscience, tautology, Jankélévitch.

Удивительно, что мертвое не может грешить.
(Wittgenstein, 1997, 57)¹

Назвать что-то «причиной» — это как
указать на кого-то и сказать «это его вина».
(Wittgenstein, 1993, 372)²

Прочитую дневниковую запись Витгенштейна от 6 октября 1929 года, в которой приводится сон о водяном колесе и его этическая интерпретация:

* The article was prepared within the framework of the Russian Foundation for Basic Research research project No. 18-011-00582 “The Late Wittgenstein Method: Reduction (Devaluation) of Traditional Problems of Metaphysics to a Philosophical Puzzle”.

¹ „Das Wunderbare ist, daß das Tote nicht sündigen kann“.

² Etwas „Ursache“ nennen, ist ähnlich, wie, zeigen und sagen: „Der ist schuld!“

Неспособен мыслить. Бредовые, повторяющиеся мысли. Все та же музыкальная или чисто мыслительная, или визуальная тема надолго остается с очень отчетливым, но скорее неприятным эмоциональным подкреплением. «Меня преследует тема». Сегодня под утро мне снилось: я давно заказал кому-то сделать для меня водяное колесо, но мне оно больше не нужно, а он все еще над ним работает. Поднимается волна и рассекается чем-то вроде лопастей (как в случае ротора паровой турбины). Он объясняет мне насколько это скучная работа, а я думаю о том, что заказал колесо с верхним ходом воды, которое вообще-то несложно сделать. Меня стесняло чувство, что этот человек слишком глуп, чтобы что-то ему объяснить или улучшить, и что мне придется оставить его возиться без толку. Я думал о том, что мне приходится жить с людьми, которым меня не понять. Это мысль, которая, на самом деле, часто меня посещает. Одновременно с чувством собственной вины. Ситуация человека, бесполезно и бездарно разрабатывающего водяное колесо — это моя собственная, когда я в Манчестере безуспешно пытался сконструировать газовую турбину.

Я расстроен, поскольку моя работа дальше не идет. Тусклые мысли. Не приукрашивай себя! Я заглядываю в бездну, когда думаю о том, насколько я завишу от природы. Насколько я живу по милости природы. Когда мой талант оставит меня, [останутся] только неприятности и опасности. Вновь я вижу, насколько мало я по жизни повзрослел, хотя должен был. Чувствую здесь себя совсем чужим. Закрытым в себе. Это могло бы пойти мне на пользу, если бы я знал, как это использовать. Удивительно думать, насколько хорошо ко мне относятся другие люди, и насколько плох я сам. Так много людей добры ко мне и хорошо ко мне относятся, а я на этом основании что-то себе выдумываю и при этом чувствую, что я всего этого не заслуживаю. Мне кажется, что после страшного суда я с этими добрыми людьми больше не увижусь, потому, что они попадут в рай, а я — в ад. Когда я не могу работать, я чувствую себя побитым и напуганным ребенком. Мне не хватает самосознания, опоры. Я чувствую, что мое существование необоснованно. (Wittgenstein, 1994, 90)³

³ „Unfähig zu denken. Die Gedanken fiebertraumartig, reitierend. Dasselbe Thema, musikalisch oder rein gedanklich oder visuell bleibt lange immer mit sehr deutlicher meist eher unangenehmer Gefühlsbelegung. ‚Das Thema verfolgt mich. Heute morgens träumte ich: ich hätte jemand vor langer Zeit beauftragt mir ein Wasserrad zu machen und nun will ich es ja gar nicht mehr haben aber er arbeitet daran herum. Die Welle lag da und schlecht sie war ringsherum eingeschnitten um etwa die Schaufeln hineinzustecken (wie beim Rotor einer [Dampf]Turbine) Er erklärte mir was das für eine langwierige Arbeit sei und ich dachte, hätte ich doch ein überschlächtiges Rad bestellt, das wäre doch einfach zu machen. Mich peinigte das Gefühl daß der Mann zu dumm sei um ihm etwas zu erklären oder es besser zu machen und daß ich ihn so weiter wursteln lassen müsse. Ich dachte ich muß mit Menschen leben denen ich mich nicht verständlich machen kann. — Das ist ein Gedanke den ich tatsächlich oft habe. Zugleich mit dem Gefühl der eigenen Schuld. Die Situation des Mannes der sinnlos und schlecht an dem Wasserrad herumarbeitet war meine eigene wie ich in Manchester aussichtslos Versuche im Hinblick auf die Konstruktion einer Gasturbine machte. | Ich bin verstimmt weil es mit meiner Arbeit nicht weiter geht. Gedankenmatt. Schone dich nicht! Ich blicke in einen Abgrund, wenn ich gedenke wie sehr ich von der Natur abhängig bin. Wie sehr ich nur von Gnaden der Natur lebe. Wenn mein Talent ausläßt, in Unannehmlichkeit oder Gefahr.

Заметка начинается и оканчивается мотивом философской работы как оправдания собственного существования, во всей его амбивалентности: философский талант одновременно придает смысл существованию и вызывает чувство вины.

Но что, собственно, вызывает чувство вины у философа? «Мне приходится жить с людьми, которым меня не понять. Эта мысль часто меня посещает, одновременно с чувством вины» (Wittgenstein, 1994, 90). Откуда же возникает чувство вины? Кажется, здесь пропущен элемент. Этим элементом могло бы быть чувство собственного превосходства, выливающееся в презрение к другим; презрение можно было бы расценить как дурное чувство и испытывать за него вину. Но пропущен ли здесь именно этот элемент?

«Меня стесняло чувство, что этот человек слишком глуп, чтобы что-то ему объяснить или улучшить, и что мне придется оставить его возиться без толку» (Wittgenstein, 1994, 90). Не метафора ли это собственного философского темперамента Витгенштейна, который постоянно говорил студентам: «я дурак», «у вас ужасный учитель», «я просто слишком туп сегодня» (Malcolm, 2001, 25)? Тогда стыд касается собственной «неспособности мыслить» (прихода которой он так опасался). В пользу этого прочтения говорит последняя фраза первого абзаца: «ситуация человека, бесполезно и бездарно разрабатывающего водяное колесо — это моя собственная, когда я в Манчестере безуспешно пытался сконструировать газовую турбину» (рис.) (Wittgenstein, 1994, 90).

«Бесполезность» и «бездарность» или, другими словами, «необоснованность собственного существования» и «неспособность мыслить» — это то, что Витгенштейн вменяет себе. Но почему тогда он чувствует вину перед другими?

С одной стороны, другим его «не понять», они «слишком глупы, чтобы что-то им объяснять», с другой, они «так хорошо к нему относятся», «так добры к нему», «после страшного суда он с этими добрыми людьми больше не увидится, потому что они попадут в рай, а он — в ад». Не оказывается ли (возможно, преувеличенная) «доброта» окружающих перевернутой проекцией их(так на-

Immer wieder sehe ich wie wenig ich dem Leben gewachsen bin, nämlich wo ich es sein sollte. | Fühle mich jetzt ganz fremd hier. Ganz auf mich verwiesen. Das könnte gut für mich sein, wenn ich es richtig zu nutzen wüßte. | Es ist ein merkwürdiger Gedanke wie gut die anderen Menschen mit mir sind und wie schlecht ich doch bin. So viele Menschen sind lieb und gut gegen mich und ich bilde mir beinahe manchmal etwas darauf ein und dabei fühle ich doch daß ich es nicht verdiene. Es ist mir dann als müßte ich mich doch beim jüngsten Gericht von diesen guten Menschen trennen weil sie in den Himmel gingen und ich in die Hölle. | Wenn ich nicht arbeiten kann, so bin ich wie ein geschrecktes oder verprügeltes Kind. Ich bin ohne jedes Selbstbewußtsein, ohne jeden Halt. Ich fühle, daß ich ohne Daseinsberechtigung bin“.

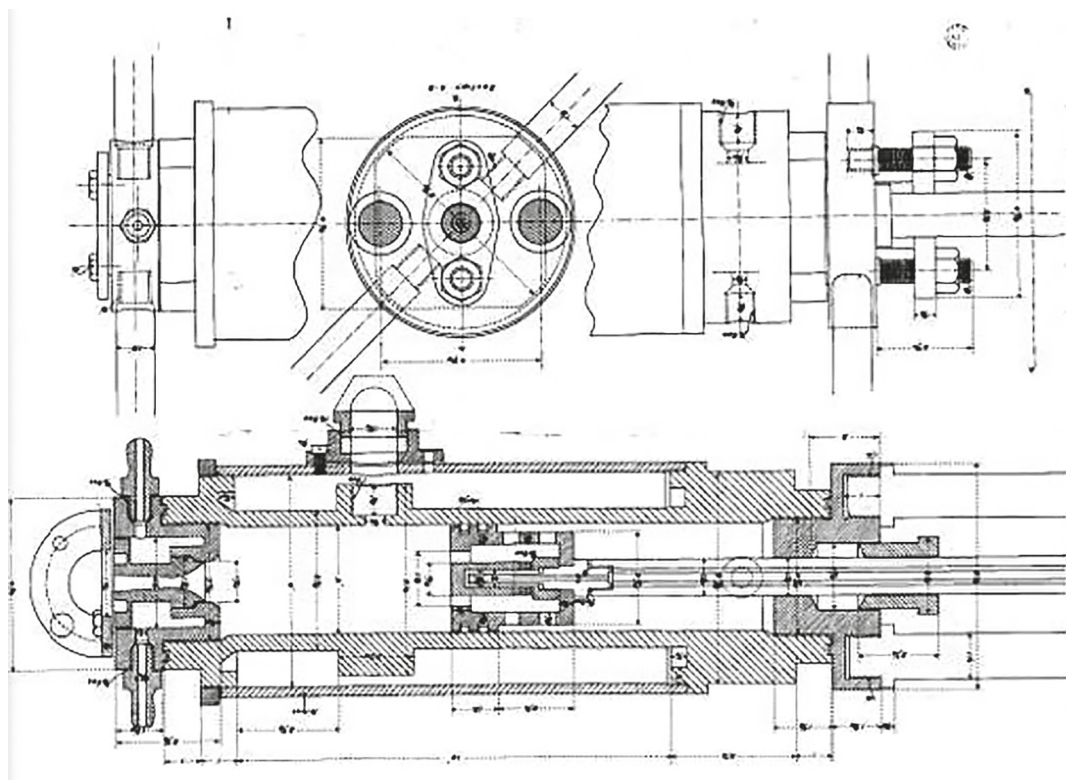

Рис. Фрагмент чертежа газовой турбины, над которой Витгенштейн работал в Манчестерском университете (1908–1910)¹

зываемой) «глупости»? Чувство вины Витгенштейн испытывает за свое интеллектуальное превосходство, но переносит эту вину на то, что он в этическом смысле якобы «хуже» других⁴.

Почему тот, кто чувствует себя умнее других, виноват? Может быть, это действительно так (он просто-напросто чуть-чуть умнее и не более того, причем «во внормальном смысле», без этических коннотаций). Если презрения нет, если этот элемент не просто пропущен, но даже и не предполагается, тогда «водяное колесо» вины крутится на холостом ходу. Если, предположим, Витгенштейн просто умнее окружающих, то тогда ему не за что испытывать вину. Он понимает, что ему не за что испытывать вину сразу перед всеми людьми, и потому он испытывает вину «ни за что», за то, что он вины не испытывает.

Вина состоит в отсутствии чувства вины и сама себя подпитывает: обнаруженное отсутствие чувства вины запускает чувство вины. Эта модель уже

⁴ Приводится по: (Cater & Lemco, 2009, 99).

стала знаменитой благодаря кьеркегоровской диалектике отчаяния: (мнимое) отсутствие отчаяния — это самая тяжелая и самая распространенная его форма; человек потому уже погряз в отчаянии, что считает себя не подверженным ему; прожитое во всей интенсивности отчаяние не освобождает от себя, но дает хотя бы какую-то надежду, тогда как (мнимое) отсутствие отчаяния совершенно безнадежно (Kierkegaard, 2019, 39–93).

По сходному принципу (оборотничества и парадоксального взаимоперехода вины и невинности) строится тавтологическая модель совести, предложенная теологом Филипом Конрадом Мархейнеке (1780–1846) и развитая Кьеркегором. Сёрен Кьеркегор в 1841 году в Берлине посещает лекции Мархейнеке «История христианской догматики» и близко к тексту конспектирует их. «Становление собой начинается с растождествления с собой» (Kierkegaard, 1997, 258; Marheineke, 1847, 225)⁵; «вина — это невинность» (Kierkegaard, 1997, 259; Marheineke, 1847, 226) — отмечает Кьеркегор в своем конспекте. Через три года датский философ развернет последнюю мысль в трактате «О понятии страха», связав оборотничество вины/невинности с темой экзистенциального страха:

Тот, кто через страх становится насквозь виновным, все же является невинным; ибо он не сам стал таким, но страх, чуждая сила, подтолкнул его к этому, сила, которую он не любил, нет, сила, которой он страшился; и все же он виновен, ибо он погрузился в страх, который он все же любил, хотя и боялся его. В мире нет ничего более двусмысленного, чем это. (Kierkegaard, 2014, 61)

Целиком исходный пассаж из лекции Мархейнеке звучал так: «Вина — это невинность, она такова, будучи собственной противоположностью» (Marheineke, 1847, 226)⁶. «Совесть есть только у существа, причастного доброму и злему или злему и доброму, чья невинность содержит в себе вину, а вина содержит в себе невинность» (Marheineke, 1847, 227)⁷ — продолжает немецкий теолог. Для Мархейнеке *совесть* — это *парадоксальное тождество вины и невинности*: в силу первородного греха есть только непровинившиеся, но нет полностью лишенных вины; впрочем, и в унаследованной вине есть нечто от невинности.

⁵ „Die Verselbstigung beginnt mit seiner Entselbstigung“.

⁶ „Die Schuld ist die Unschuld, aber dieser als das Gegenteil ihrer selbst“.

⁷ „Das Gewissen ist nur in Wesen, welche des Guten und Bösen oder des Bösen und Guten wirklich teilhaftig, oder deren Unschuld die Schuld, deren Schuld die Unschuld enthält“.

Почему для Витгенштейна релевантна эта концепция, опирающаяся на доктрину первородного греха? Можно заметить, что он рассматривает язык философии как изначально «отпавший» от повседневного языка, исходно не-сущий в себе «искушение».

Как указывает Энтони Кенни: «согласно Витгенштейну, хоть мы и не рождаемся в состоянии философского греха, мы принимаем его на себя вместе с языком» (Kenney, 1979, 23). В знаменитом «Большом машинописном тексте» Витгенштейн отмечает для себя: «Вновь и вновь говори себе (философствуя), что мышление должно быть чем-то совсем кустарным. Речь не идет о том, чтобы изучать сущность, полную тайн. [Говори себе,] что ты впадаешь в искушение, когда мышление кажется тебе странным процессом» (Wittgenstein, 2005, 226)⁸. Здесь можно вспомнить либретто «Антиформалистического райка»: «...странным вам это кажется, странным вам это кажется, будто здесь что-то не так. А между тем это так!» (Shostakovich, 1993, 95) Помимо искушений, живущих в обыденном языке, язык философии вызывает у говорящих на нем дополнительное искушение: фетишизацию философского удивления.

Здесь я подхожу ко второй тавтологической концепции совести, разработанной Владимиром Янкелевичем (1903–1985). Для Янкелевича *совесть* — это (*грамматическое и временное*) удвоение: сожаление об утраченном в прошлом отсутствии вины в еще более глубоком прошлом (предпрошедшем) (Jankélévitch, 1998, 92). Еще раз: проступок, совершенный в прошлом, заставляет сожалеть о невинности, предшествовавшей ему в еще более глубоком прошлом. Стоит обратить внимание на то, что модель Мархейнеке — Кьеркегора, предполагающая первородный грех, встраивается в модель Янкелевича как ее частный случай. Тождество вины и невинности возможно в силу удвоения прошлой вины предпрошедшей невинностью. Впрочем, последняя может проходить по разряду «прошлого, которое никогда не было настоящим». Модель Мархейнеке — Кьеркегора предполагает не только предпрошедшую невинность, но и предпрошедшую вину (первородный грех); удвоение оборачивается утроением. Совесть (согласно объединенной тавтологической модели Мархейнеке — Янкелевича) использует вину из настоящего времени как повод, чтобы вновь разыграть предпрошедшую драму грехопадения. Носитель совести считает себя Макбетом, а на деле он театральные подмостки для старой постановки.

⁸ „Sage Dir (beim Philosophieren) immer wieder: daß Denken etwas ganz hausbackenes sein muß. Es handelt sich nicht darum, ein geheimnisvolles Wesen zu studieren. Daß Du verführt bist, wenn Dir das Denken als ein seltsamer Vorgang erscheint“.

Во сне о водяном колесе присутствует несколько временных регистров: Витгенштейн «давно заказал сделать водяное колесо» (прошлое), но, хотя ему оно «больше не нужно», незадачливый инженер «все еще над ним работает» (настоящее); впрочем, Витгенштейн из 1929 года констатирует, что «ситуация человека, бесполезно и бездарно разрабатывающего водяное колесо» — это его собственная, когда он «в Манчестере (1908–1910) безуспешно пытался сконструировать газовую турбину» (предпрошедшее). Мысль о том, что ему «приходится жить с людьми, которым его не понять», регулярно посещает австрийского философа (для него — в настоящем), вместе с застарелым чувством вины (прошлое), корнями уходящим в манчестерский период, а затем в детство (предпрошедшее). Философская «непродуктивность» (как мы знаем из 2022 года, на деле бывшая беспрецедентной продуктивностью) в тогдашнем настоящем (1929) замыкается на всегда уже поставленный «спектакль» вины (предпрошедшее): «когда я не могу работать, я чувствую себя побитым и напуганным ребенком».

Янкелевич ориентировался, прежде всего, на биографическое измерение: на конфликт между прошлым и предпрошедшим измерением личной истории. Но эту концепцию можно спроецировать и на плоскость истории культуры, например на конфликт между философским удивлением как коллективным прошлым опытом и дофилософской самопонятностью как коллективным предпрошедшим опытом. При этом оба измерения (прошлое и предпрошедшее) никуда не исчезли, а стоят за спиной у каждого философствующего. Если теперь, как и прежде, удивление побуждает людей философствовать, если это своего рода наследуемый аффект (и при этом, как сказано в «Лекции об этике» [1929], он опирается на неверное использование слова «удивление»), то не связано ли чувство вины Витгенштейна с тем, что ему так и не удалось до сих пор упразднить эту «неправильную» дисциплину, отпавшую от повседневного языка?

В некотором смысле Витгенштейн думал о философии как о собственном грехе, принимая на себя коллективную вину человечества, отошедшего от повседневного словоупотребления. И это, конечно, неверное употребление слов «грех» и «вина»! В тавтологических моделях совести (*тождества вины и невинности и удвоения прошлой вины предпрошедшей невинностью*) вина состоит уже в одном отсутствии чувства вины. Таким образом, вина открепляется от проступков: как в «Исправительной колонии» Кафки совершенно неважно, был ли проступок. Был бы человек, а вина найдется.

Пять дней спустя после заметки о водяном колесе, 11 октября 1929, Витгенштейн развивает тему совести средствами другой аналогии, на этот раз — это сломанные весы:

Плохому человеку нужно ощущать давление, только хороший может жить безо всякого давления. И если на беду снять с плохого (например, с меня) давление, то он сразу чувствует, что что-то не в порядке. Ведь он знает, что полная внутренняя свобода имеет право проистекать только из полностью чистой совести. Это было бы как если бы кто-то увидел в равновесии весы, чаши которых неравно нагружены. Тогда он вынужден сказать: эти весы не работают, их заклинило. — Тем самым я не хочу сказать, что давление, под которым я должен находиться, обязано быть страшным /мучительным/. Это может быть прессинг работы (а он одновременно и сладок). (Wittgenstein, 1994, 93)⁹

Нечистая совесть служит индикатором того, что «что-то не так». Но, поскольку она по умолчанию нечиста, этот встроенный напоминатель мигает (или пищит) всегда. Прессинг работы, рабочий раж — тот способ, которым Витгенштейн умеет заглушать этот изматывающий сигнал. Но что если рассмотреть чувство «что-то не в порядке» и «нечистую совесть» с точки зрения их функции? При описанном способе жизни их функция: запускать недовольство собой, а из него подпитывать стремление работать. Не ими ли питается философская работа?

Какова роль восклицаний «я слабый скот» (Wittgenstein, 1994, 104) и «я — свинья» (Wittgenstein, 1994, 150) в корпусе текстов Витгенштейна? Все выглядит так, как если бы он подстегивал себя этими восклицаниями, стимулировал к работе над философскими проблемами. При этом указание на самого себя не невинно, оно тоже может быть «морально коррумпировано» или запятнано. Или даже, с точки зрения Витгенштейна, из разговора о себе можно выйти «грязнее, чем был»:

⁹ „Der schlechte Mensch braucht die Empfindung eines Drucks, nur der gute kann auch frei von jedem Druck leben. Und wehe wenn man dem schlechten (wie [z.B.] mir) den Druck fortnimmt, dann spürt er sofort daß etwas nicht in Ordnung ist. Denn er weiß daß vollkommene innere Freiheit nur aus vollkommen reinem Gewissen hervorgehen dürfte. Es wäre dann wie wenn man eine Waage im Gleichgewicht sähe deren Schalen ungleich belastet sind. Dann muß man sagen diese Waage [hat] nicht eingespielt sondern sie steckt. — Damit will ich nicht sagen daß der Druck unter dem ich mich befinden muß immer ein furchtbarer /qualvoller/ sein muß. Es kann der Druck der Arbeit sein (der zugleich süß ist)“.

Писать правду о себе можно совершенно в разном духе. В совершенно подобающем или в совершенно неподобающем духе. Первое очень желательно, второе — очень неправильно. Да, можно было бы написать подлинные автобиографии на всех уровнях: от самого высокого до самого низкого. Но, например, я не могу писать свою биографию в более высоком духе, чем тот, который мне соответствует. А тот факт, что я ее пишу, совершенно *не обязательно* возвышает меня, я могу даже стать от этого грязнее, чем был. Что-то во мне говорит в пользу того, чтобы писать биографию, а именно, я бы хотел ясно развернуть свою жизнь, представить ее себе, но также и с другой целью. Не столько, чтобы чинить над ней суд, а скорее, чтобы, так или иначе, поспособствовать ясности и правде.

Сегодня после обеда я слушал Кодера¹⁰, он играл для меня. Я давил на его совесть, говоря, что он должен принимать игру на фортепиано всерьез, его исполнение было для меня недостаточно серьезным. Затем я пошел к Хелене и под ее аккомпанемент свистел песни Шуберта, и не был по-настоящему собран в своих мыслях; я все время думал о себе, при этом не мог ни до чего-то додуматься, ни перестать. Это не было по-настоящему серьезно. Я всегда что-то делал, но никогда или даже близко никогда это не было чем-то правильным. Я напоминал себе, что дело серьезно, но все проходило мимо меня. Я чувствовал, что я — свинья, потому что мешаю подлинное с неподлинным. Пошли мне Господь чистоту и правду. (Wittgenstein, 1994, 156)¹¹

В заметках 1929 года две главные претензии Витгенштейна к самому себе: недостаток серьезности (*Ernst*) и избыток тщеславия (*Eitelkeit*). Автор заметок ловит себя на мысли, что недостаточно собран в своих мыслях; он виноват в том, что недостаточно серьезен, не в серьез свистит песни Шуберта. Он на-

¹⁰ Рудольф Кодер (1902–1977) — друг Витгенштейна; оба были школьными учителями в австрийской деревне Пухберг, и с 1923 до 1951 вели переписку о музыке.

¹¹ „Die Wahrheit über sich selbst kann man in dem verschiedensten Geiste schreiben. Im anständigsten und unanständigsten. Und danach ist es sehr wünschenswert oder sehr unrichtig, daß sie geschrieben werde. Ja es gibt unter den wahrhaften Autobiographien die man schreiben könnte alle Stufen vom Höchsten zum Niedrigsten. Ich zum Beispiel kann meine Biographie nicht höher schreiben als ich bin. Und durch die bloße Tatsache daß ich sie schreibe hebe ich mich nicht notwendigerweise ich kann mich dadurch sogar schmutziger machen als ich schon war. Etwas in mir spricht dafür meine Biographie zu schreiben und zwar möchte ich mein Leben einmal klar ausbreiten um es klar vor mir zu haben und auch für andere. Nicht so sehr, um darüber Gericht zu halten als um jedenfalls Klarheit und Wahrheit zu schaffen. | Heute Nachmittag hörte ich Koder der mir vorspielte. Ich redete ihm ins Gewissen, er solle das Klavierspiel ernst nehmen, sein Spiel war mir nicht ernst genug. Dann ging ich zu Helene und pfiff mit ihrer Begleitung Schubertlieder und meine Gedanken waren nie wirklich konzentriert; ich dachte immer an mich selbst und konnte mich nicht wirklich einfahlen oder der Sache hingeben. Es war nie wirklicher Ems t. Ich tat immer irgendetwas aber es war nie oder beinahe nie das Richtige. Ich sagte mir vor daß die Sache ernst sei aber flog alles an mir vorbei. Ich fühlte daß ich ein Schwein bin weil ich auch echtes mit unechtem mische. Möchte mir Gott Reinheit und Wahrheit schicken.“ (Wittgenstein, 1994, 93)

поминает себе и другим, что «дело серьезно»; давит на совесть (*redet ihm ins Gewissen*) приятеля, который не принимает игру на фортепьяно всерьез. Впрочем, это запускает второй такт чувства вины: кто я такой, чтобы поучать других, ведь моя собственная жажда серьезности — продукт тщеславия.

Мы уже видели сходный механизм самообвинения на примере сна о водяном колесе. Это выхолощенная формальная структура, которая сама себя подстегивает: я недостаточно серьезен, в этом моя вина, но и другие не соответствуют моим критериям серьезности; но кто я такой, чтобы вменять другим то, чего нет у меня самого; не из тщеславия ли проистекает стремление к серьезности? Я не серьезен и я в этом виноват; но и в стремлении к серьезности я тоже виноват, так как она проистекает из тщеславия.

Австрийский философ описывает свою «неспособность мыслить» как источник постоянно всплывающего стыда, свободно плавающего чувства вины. «Бесполезность» и «бездарность», «несерьезность» или, другими словами, «необоснованность собственного существования», равно как и «неспособность мыслить» — это то, что себе вменяет мыслитель. Это мучительное состояние он одновременно видит источником своей философской продуктивности. Чувство вины и трудоголизм подстегивают друг друга¹², многократно воспроизводя цикл самоуничтожения и ударного труда.

Сорокалетний автор «Логико-философского трактата» пишет о себе:

Я — слабый скот. Ничего удивительного, что из меня ничего не выйдет. (Wittgenstein, 1994, 104)¹³

Что должно «выйти» из одного из самых влиятельных философов XX века?

Я — свинья, и при этом не то чтобы несчастлив. Я рискую стать еще более поверхностным. Избави Бог от этого! (Wittgenstein, 1994, 150)¹⁴

¹² Частая коллизия заметок Витгенштейна: «я должен работать», но «я не могу работать». См., например: „Kann noch immer nicht ordentlich, oder gar nicht, arbeiten. Die philosophische Gegend meines Gehirns liegt noch immer im Dunkeln. Und erst wenn da wieder das Licht angezündet wird geht die Arbeit wieder an. [...]Habe schwere Probleme in mir und bin so unklar daß ich nichts rechtes niederschreiben könnte. Soll in den zwei nächsten Termen Vorlesungen halten. Bin zweifelhaft wie es gehen wird. Hauptsache wäre, daß jetzt meine Arbeit gut vorwärts ginge. [...] Kann seit einer Woche nicht mehr recht arbeiten. Die Gedanken konzentrieren sich nicht auf die logischen Probleme. Ich bin nicht in die Stimmung gekommen wo ich mich unter den philosophischen Problemen zu Hause fühle“ (Wittgenstein, 1994, 91, 102, 103) и т. п.

¹³ „Ich bin ein schwaches Vieh. Kein Wunder wenn aus mir nichts wird“.

¹⁴ „Ich bin ein Schwein und dabei bin ich doch nicht unglücklich. Ich bin in der Gefahr noch seichter zu werden. Möge Gott es verhüten!“

Возможна ли совесть, которая бы строилась не по принципу тавтологии, не по принципу бесконечной «руминации» (пережевывания мелочной вины)? Как можно было бы разомкнуть тавтологию совести, «водяное колесо» вины, работающее на холостом ходу?

Стоит обратить внимание на то, что совесть и вина встроены в цикл философской работы, это «водяное колесо» самобичевания подпитывает рабочий процесс. Тогда, если смотреть на них функционально, «во неморальном смысле», мы, как ни странно, вынырнули из их тавтологического самоподкрепления. Увидеть в себе водяное колесо вины — значит, сделать от него шаг в сторону.

* * *

Закончим эту статью еще одним сном Витгенштейна, от 1 декабря 1929:

Странный сон. Сегодня под утро мне снилось: я вижу в иллюстрированном журнале фотографию, это *Фёртзагт* [Vertsaagt], он у всех на устах как герой дня. На фото он изображен в своем автомобиле. Говорят о его позорных деяниях; рядом со мной стоит Гензель¹⁵ и еще кто-то, похожий на моего брата Курта. Он говорит, что Фёрцаг — еврей, но вкусил плоды образования как богатый шотландский лорд [теперь он — лидер рабочих]. Фамилию он не поменял, так как это у них не в чести. Для меня внове, что Фёртзагт (я делаю в его фамилии ударение на первый слог) — еврей, и я считаю, что его фамилия значит «малодушный [verzaagt]». Я замечаю, что она пишется через «tz [ts]», при том, что я вижу: эти буквы напечатаны чуть жирнее других. Я думаю: за всякой непристойностью обязательно скрывается еврей. Теперь я с Гензелем и Куртом на террасе дома, вроде большого бревенчатого строения в Хохрайте, а по улице на своем автомобиле подъезжает Фёрцаг; у него злое лицо и светлые волосы с легкой рыжиной и такие же усы (он не выглядит как еврей). Он разворачивается и стреляет из пулемета в едущего за ним велосипедиста, тот падает на землю, корчится от боли, его безжалостно и долго расстреливают. Фёрцаг проехал, а на велосипеде подъезжает молодая, бедно одетая девушка, но и она тоже расстреляна Фёрцагом, который уже едет дальше. И от этих выстрелов из груди девушки начинают раздаваться булькающие звуки, как из котелка, стоящего на огне, котелка, в котором мало воды. Мне было жалко девушку, и я думал: только в Австрии может случиться такое, что этой девушке никто не посочувствует и не поможет, а люди просто глазят на то, как она страдает, как ее убивают. Я сам тоже боюсь помочь, потому что боюсь выстрелов Фёрцага. Я приближаюсь, но прячась за доску. Затем я просыпаюсь. Я должен добавить, что в разговоре с Гензелем (когда сначала там был еще и другой человек, а потом ушел) я мнусь и не хочу признаться, что я сам еврейского происхождения и что случай Фёрцага — это как раз и мой случай. После пробуждения я понимаю,

¹⁵ Людвиг Гензель (1886–1956) — австрийский педагог, друг Витгенштейна. Сохранились заметки Витгенштейна на полях эссе Гензеля о восприятии ценностей *Wertgefühl und Wert* (1949, см.: <https://hardproblem.ru/en/posts/Books/ludwig-wittgenstein-s-autograph>) и их многолетняя переписка.

что мне казалось: *verzagt* должно писаться не через *ts*, а странным образом через *Pf* как *pferzagt*. Сразу после пробуждения я записал сон. Окрестности, которые во сне соответствовали окрестностям Хохрайтской капеллы (сторона — напротив Виндхута), я во сне представляю себе как [крутой] лесистый склон и как улицу в долине, которую я уже видел в другом сне. Похоже на участок улицы от Глогница до Шлагля. Когда я сострадаю девушке, то я неясно вижу пожилую женщину, которая сострадает ей, но не прижимает ее к себе и ей не помогает. Бревенчатый дом на Хохрайте тоже видится неясно, но видна улица и то, что на ней происходит. Думаю, я считал, что фамилия, как я ее произношу во сне «Фёрт-загт» — венгерская. Для меня в этом имени было что-то злое, зловерное и очень мужское. (Wittgenstein, 1994, 127)¹⁶

¹⁶ „Ein seltsamer Traum. Heute gegen Morgen träumte mir: Ich sehe in einer Illustrierten Zeitschrift eine Photographie von Vertsagt der ein viel besprochener Tagesheld ist. Das Bild stellt ihn in seinem Auto dar. Es ist von seinen Schandtaten die Rede; Hänsel steht bei mir und noch jemand anderer ähnlich meinem Bruder Kurt. Dieser sagt daß Vertsagt ein jude sei aber die Erziehung eines reichen schottischen Lords genossen habe [jetzt ist er Arbeiterführer]. Seinen Namen habe er nicht geändert weil das dort nicht Sitte sei. Es ist mir neu daß Vertsagt den ich mit der Betonung auf der ersten Silbe ausspreche in Jude ist und ich erkenne daß ja sein Name einfach *verzagt* heißt. Es fällt mir nicht auf daß es mit ‚ts‘ geschrieben ist was ich ein wenig fetter als das übrige gedruckt sehe. Ich denke: muß denn hinter jeder Unanständigkeit ein Jude stecken. Nun bin ich und Hänsel auf der Terrasse eines Hauses etwa des großen Blockhauses auf der Hochreit und auf der Straße kommt in seinem Automobil Vertsagt; er hat ein böses Gesicht ein wenig rötlich blondes Haar und einen solchen Schnauzbar (er sieht nicht jüdisch aus). Er feuert nach rückwärts mit einem Maschinengewehr auf einen Radfahrer der hinter ihm fährt und sich vor Schmerzen krümmt und der unbarmherzig durch viele Schüsse zu Boden geschossen wird. Vertsagt ist vorbei und nun kommt ein junges Mädchen ärmlich aussehend auf einem Rade daher und auch sie empfängt die Schüsse von dem weitefahrmdm Vertsagt. Und die Schüsse die ihre Brust treffen machen ein brodelndes Geräusch wie ein Kessel in dem sehr wenig Wasser ist über einer Flamme. Ich hatte Mitleid mit dem Mädchen und dachte: nur in Österreich kann es geschehen daß dieses Mädchen kein Hilfreiches Mitleid findet und die Leute zusehen wie sie leidet und umgebracht wird. Ich selbst fürchte mich auch davor ihr zu helfen weil ich die Schüsse Vertsags fürchte. Ich nähere mich ihr, suche aber Deckung hinter einer Planke. Dann erwache ich. Ich muß nachtragen daß in dem Gespräch ob Hänsel dann nachdem er uns verlassen hat ich mich geniere und nicht sagen will daß ich ja selbst vonjuden abstamme oder daß der Fall Vertsags ja auch mein Fall ist. Nach dem Erwachen komme ich darauf daß ja *verzagt* nicht mit ‚ts‘ geschrieben wird glaube aber sonderbarerweise daß es mit ‚Pf‘ geschrieben wird ‚pferzagt‘. Ich habe den Traum gleich nach dem Erwachen notiert. Die Gegend die in dem Traum etwa der Gegend hinter der Hochreiter Kapelle entspricht (die Seite gegen den Windhut) stelle ich mir im Traum als einen jsteilenl bewaldeten Abhang und eine Straße im Tal vor wie ich es in einem anderen Traum gesehen habe. Ähnlich einem Stück der Straße von Gloggnitz nach Schlagl. Als ich das arme Mädchen bedauere sehe ich undeutlich ein altes Weib wekhes sie bedauert aber sie nicht zu sich nimmt und ihr hilft. Das Blockhaus auf der Hochreit ist auch nicht deutlich wohl aber die Straße und was auf ihr vorgeht. Ich glaube ich hatte eine Idee daß der Name wie ich ihn im Traume ausspreche ‚Vért-sagt‘ ungarisch ist. Der Name hatte für mich etwas böses, boshafes, und sehr männliches“.

Как избавить сновидца от чувства вины? Ему нужно понять, что, даже если он отказывается (versagt) работать, это совсем не обязательно его вина.

REFERENCES

- Cater, J.E., & Lemco, I. (2009). Wittgenstein's Combustion Chamber. *Notes and Records of The Royal Society*, 63 (1), 95–104.
- Jankélévitch, V. (1998). La mauvaise conscience. In *Philosophie morale* (41–202). Paris: Flammarion.
- Kierkegaard, S. (1997). Notesbogerne. In N. J. Cappelørn (Ed.), *Søren Kierkegaards skrifter, vol. 19* (1–15). København: Gad.
- Kierkegaard, S. (2014). *The Concept of Anxiety*. Rus. Ed. Moscow: Akademicheskii proekt Publ. (In Russian)
- Kierkegaard, S. (2019). *The Sickness unto Death*. Rus. Ed. Moscow: Akademicheskii proekt Publ. (In Russian)
- Kenny, A. (1979). Wittgenstein über Philosophie. In H. J. Heringer & M. Nedo (Eds.), *Wittgensteins geistige Erscheinung, Ludwig Wittgenstein, Schriften, Beiheft 3* (9–34). Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Malcolm, N. (2001). *Ludwig Wittgenstein: A Memoir*. Oxford: Clarendon.
- Marheineke, P.K. (1847). *Theologische Vorlesungen: System der christlichen Dogmatik. Bd. 2*. Berlin: Duncker und Humblot.
- Shostakovich, D. (1993). Antiformalist Rayok. *Nashe nasledie*, 28, 93–97. (In Russian)
- Wittgenstein, L. (1993). *Philosophical Occasions (1912–1951)* (J. C. Klagge & A. Nordmann, Eds.). Indianapolis & Cambridge: Hackett.
- Wittgenstein, L. (1994). *Philosophische Betrachtungen. Philosophische Bemerkungen, Wiener Ausgabe. Bd. 2* (M. Nedo, Ed.). Wien: Springer.
- Wittgenstein, L. (1997). *Denkbewegungen: Tagebücher (1930–1932, 1936–1937). Bd. 1* (I. Somavilla, Ed.). Innsbruck: Haymon.
- Wittgenstein, L. (2005). *The Big Typescript: TS 213* (C. G. Luckhardt & M. A. E. Aue, Eds.). Oxford: Blackwell.